

[ПАМЯТИ ПОЭТА]

Сергей МНАЦАКЯН

(1944–2021)

Дорогой Серёжа!

Разместили мы этот портрет потому, что не можем представить тебя другим, а только таким – красивым и не старым. Жить тебе было отмеряно ещё 15 лет, но сколько славного ты успел ещё совершить. А главное – нам удалось возродить регулярный выпуск «зеркала русской литературы» – альманаха «День поэзии – XXI век». Помнишь, мы мечтали с тобою об этом, когда ещё проводили в середине 90-х в палимых летним солнцем Лужниках очередной поэтический турнир «Москомсомольца», выбирая «Короля поэтов».

На этот раз ты тоже ушёл в палимый раскалённый июнем день, так и не успев собрать воедино прозу для очередного альманаха. Скольких нас, членов редсовета, уже не стало за период с 2006 по 2021 гг.: Андрюши Романова, Валеры Дударева, Льва Аннинского, Саши Казинцева... Поклон Вам, милые, добрые друзья. А шагреневая кожа пространства НАСТОЯЩЕЙ русской поэзии сузилось до размера клетчатого носового платка, который ты всегда носил в любимых джинсах.

Спасибо тебе, старший товарищ, выпускающий главный редактор «ДП 2020–2021».
Низкий поклон за любовь и верность поэзии.

Главный редактор альманаха Андрей Шацков

Юрий КРОХИН

ПРОЩАЛЬНЫЙ АККОРД

*Когда человек умирает,
Изменяются его портреты.
По-другому глаза глядят, и губы
Улыбаются другой улыбкой.*

Анна Ахматова

Уходящий год изобиловал горестными потерями – не стало многих достойных и известных людей. Для меня такой особенно тяжёлой утратой стала кончина Сергея Миграновича Мнацаканяна – эрудита, философа, поэта, прозаика, мемуариста...

Впрочем, его портреты – а я иногда фотографировал его – не изменились; судьбе не было угодно, чтобы я простился с ним, отдал последний поклон. Так что в моей благодарной памяти Сергей остался живым, часто весёлым, порой элегически-задумчивым, готовым длить и длить наши беседы и споры.

Его стихи сопутствовали мне с юности, а в последние годы с интересом и радостью читал его мемуарную прозу, писал рецензии на новые книги старинного друга. Причём некоторые

были вовсе не комплиментарны. Его повести, написанные под псевдонимом *Сергей Муравин*, я оценил достаточно критически, однако Сергей, обладавший помимо отменного вкуса терпимостью и превосходным юмором, ничуть не обиделся на придирурецензента.

Но вот романчитата (жанровое определение автора), озаглавленный «Великий Валюн, или Скорбная жизнь Валентина Петровича Катаева», стал событием, что и подчеркнул я в очередной рецензии. Произведение это, заметим, – не обычная биография в стилистике серии «Жизнь замечательных людей», а хронологически выстроенный, тщательно воссозданный свод свидетельств современников Катаева, его друзей и недругов, завистников и выпестованных им молодых литераторов. Выскажу догадку – она, правда, лежит на поверхности, – что образцом Сергею Мнацаканяну послужили труды Вересаева «Пушкин в жизни» и «Гоголь в жизни». Такое вроде бы бесстрастное, фрагментарное повествование, в котором наплывают друг на друга, чередуются воспоминания, письма, статьи, создаёт эффект стереоскопичности портрета Валентина Петровича, выдающегося, если не сказать сильнее, мастера отечественной словесности XX века. В текст органично вмонтированы комментарии автора. Мнацаканян абсолютно точно определил положение Катаева в советской литературе: на склоне лет признанный классик восстановил своё место в кругу Маяковского и Багрицкого, Сергея Есенина, Юрия Олеши и Михаила Булгакова, Ильфа и Петрова и других знаменитых современников. Место гения.

В последние годы Сергей Мнацаканян выпустил несколько томов воспоминаний. К тому были серьёзные основания. В возрасте 30-ти лет он стал членом Союза советских писателей, а это было весьма непросто и чрезвычайно престижно. Вскоре его пригласили работать ответственным секретарём творческого объединения поэтов Московской писательской организации. Однако Сергей не стал чиновником от литературы, он вообще не стремился к должностям и званиям; как мог, помогал собратьям-поэтам. Благополучно избегал писательских дрызг и грязи, которых, увы, хватало. Позднее трудился на посту редактора писательской многотиражки, «Московского литератора». Писал стихи, искренние, не конъюнктурные, отмеченные печатью истинного таланта. И спустя годы вспоминал литературную жизнь, в гуще которой оказался, с грустью и юмором.

Наш великий соотечественник Владимир Набоков как-то заметил, что мемуары пишут люди, у которых слишком скудное воображение, чтобы сочинять романы, и слишком дурная память, чтобы писать правду. Не стоит, однако, принимать всерьёз слова блестящего парадоксалиста. Во-первых, и сам он на склоне лет взялся за воспоминания. Во-вторых, мемуары всегда неизбежно субъективны, поскольку избирательна сама человеческая память. Ну а доля правды в воспоминаниях зависит от автора...

Сергей Мнацаканян, издавший первую мемуарную книгу под многозначным названием «Ретроман, или Роман-ретро» в 2011 году, не мог пожаловаться на память. С памятью у него всё было отлично: зорко подмеченные детали облика и манеры речи персонажей, выразительные и запоминающиеся характеристики коллег, очень дозировано введённая прямая речь – очевидно, памятью ахматовское предостережение – делают эти воспоминания бесценным сводом свидетельств. При этом – никаких котурнов, никакого замиранья перед авторитетами. И главное – великая доброжелательность! Ни зависти по отношению к более удачливым коллегам, ни злорадства к недостойным. Можно сказать, он бескорыстно вернул из небытия многих забытых, увы, поэтов и прозаиков, бережно процитировал строчки стихов до срока ушедших коллег.

Потом последовали ещё несколько томиков воспоминаний. И ряд этот замыкает книга «Рваное время. Антилитература», выпущенная издательством МИК в 2019 году. Сегодня, после ухода Сергея, она представляется мне итоговой, своего рода духовным завещанием. Это – наиболее личностное, откровенное, мудрое сочинение поэта. Прихотливая композиция книги, абсолютная свобода монтажа отсылают читателя к сочинениям глубоко чтимого Мнацаканяном Валентина Катаева, а может быть – и Василия Розанова. Автор вспоминает своё детство и юность, прошедшие на Самотеке и в её окрестностях, философски раз-

мышляет о жизни, коей ему довелось быть свидетелем и участником, высказывает суждения о литературе и её видных представителях, выношенные годами мысли о писательстве. Не удержусь, чтобы не процитировать несколько строк из «Рваного времени».

«Всякое художественное творчество, в том числе и литературное, имеет глубинные душевные основания для своего осуществления. Можно придумать строку, но нельзя придумать личность. Понятие личность складывается из слишком многих факторов, и не всегда личность опытного литератора даёт основания полагать, что и стихи его (или проза) будут глубже, умудрённее, «опытнее», чем творения молодого писателя. С годами приходит опыт, но уходит непосредственность».

...Поэт, как правило, пишет о себе, – будь то монолог, поэма, лирический дневник. Достаточно вспомнить «Онегина», где присутствует автор. Темы могут быть разными, но суть одна – исповедальные, обжигающие сердце строки. Приходится так или иначе откликаться на происходящее вокруг, – не обязательно публицистически громко, как Евтушенко или Вознесенский, – но события подступают, столетия «окружают огнём», от злободневности никуда не деться. И у Сергея Мнацаканяна – во всяком случае, в двух последних стихотворных сборниках – всё вперемешку: лирические откровения, а рядом – горькие размышления о жизни, что наступила в 90-е, о лихих и безрадостных изменениях, что происходят с нами и вокруг нас.

Что тревожит, гнетёт душу поэта, что водит его пером, какие проблемы заботят пишущего стихи? Да всё одно – ВРЕМЯ, утекающая по каплям жизнь, печаль о прошедшей молодости, когда властвовали безденежье и невозможность печататься, узенький круг друзей и слушателей, – и надежды, что всё образуется, разрешится, жизнь наладится...

На части душу рвали страсти, / Плескалась водка – не аи, / И были много лучше власти / Окрест сограждане мои – / На страшных стройках рвали жилы, / И не тужили на войне, / И в основном нормально жили, / Как и в любой другой стране. / Я говорю об этой фреске, / Где жизнь вставала на дыбы. / О том отмеренном отрезке / Своей единственной судьбы...

Но годы ушли, протекли как песок в корабельных часах, по словам Бунина. «Что же осталось нам кроме печали? Самая малость любви и стыда...»

Всё труднее переваливать года (Маяковский), но вот что восхищает и приводит в изумление: возрасту не подвластная энергетика стиха, зоркость, страстный напор, помноженный на возросшее мастерство; и читателя пронзает откровенная, без оглядки на редакторов и цензуру, исповедь поэта с использованием современной (иногда сниженной) лексики, его пристрастные и порой субъективные оценки эпохи, которая безжалостно берёт нас за горло и диктует свои правила и нравы, ужасающе не совпадающие с идеалами молодости...

В этом смысле характерен краткий исторический экскурс «Мой XX век», жанрово определённый автором как поэмка.

Я был ребёнком в давний год, / Страна вставала из развалин, / И под весенний ледоход / Откинулся товарищ Сталин.

Но автобиографического в поэлке читатель больше не найдёт; поэт представляет историческую панораму прошлого столетия так, как она видится ему сегодня, из второго десятилетия XXI века, исключив себя из процесса. Впрочем, оценки тогдашние и нынешние вполне могут совпадать; время не в силах радикально изменить наши взгляды.

Такой великопленный бред, / Какого не представят лохи: / Прекраснее за тыщу лет / В России не было эпохи.

Публицистический накал переполняет сочинение; похоже, поэту неволею сдерживать гнев и презрение к тем, кто вверг страну в череду невероятных испытаний, не заслуженных её народом.

...Москвич армянского происхождения, Сергей Мнацаканян – поэт, прежде всего, столичный, притом, что написаны были стихи, навеянные свиданием с исторической родиной, Арменией. Что, казалось бы, можно сказать об этом «орущих камней государстве» после

гениального мандельштамовского цикла? Нет, оказывается, можно, и Сергей нашёл необходимые слова, точные образы; генетическая память неизбывна!

Встреча с Арменией произвела на молодого поэта неизгладимое впечатление, и из-под его пера выходят такие строки:

Я под осень поселился в захолустном Шеноване: / виноградники – корявы, сумрак – неисповедим, – / и армянские крестьяне меня в губы целовали, / но тайком не признавали горожанина своим... / Те шершавые ладони, стариковские седины... / Понимаю: в нашей жизни, горемычной, как всегда, / неудачи и удачи пронесутся вроде дыма: / драгоценны только встречи и людская доброта... (1969)

Там, в «стране москательных пожаров», совсем по-иному представились поэту и «Цвет граната» великого Сергея Параджанова, и раскопки в Мецаморе, и ночь в Шеноване.

К слову сказать, первый сборник стихов Сергея Мнацаканяна «Бескорыстье» вышел в ереванском издательстве «Айастан» в 1969 году...

Но Москва! Где

У старых Сретенских ворот, / Над Трубной и над Самотекой / Сегодня первый снег идёт / Над городской суматохой... / И над Садовой – от угла / До Троицкого переулка, / как белые колокола / Раскачиваются хлопья гулко.

И другие строки, более поздние, с ощутимым привкусом ностальгии:

...меня Москва с рожденья окружила, / Мне подмигнула и заморозила... / Завьюжила окрест – белымбела, / И закружила, и приобняла... / Давным-давно на тыщи мелких льдин / Распалась жизнь, которая пленяла... / Ты оглянись – окрест такая синь, / Как будто в небесах – и горя мало, / ...а я ещё живу – неверный сын / Московского интернационала...

И ещё чем пленяет поэзия Мнацаканяна, – пронзительной любовной лирикой. Увы, уже не та в ней юная и пылкая страсть, что полыхала в прежние годы. Зрелые, выстрадаанные суждения, исполненные грусти и безнадежности.

Мне, кроме тебя, не нужен никто, / Но мы не встретились – тому лет сто... / Мы вновь разминулись лет двадцать назад, / И только судьбы впотьмах сквозят...

Или так:

Мы с тобой простились на перроне / И прощенья не за что просить. / Но твои горячие ладони / Я из рук не в силах отпустить. / Вздрогнул поезд – и теперь отныне / В прошлое не ходят поезда. / Вот и жизнь, как зимняя пустыня, / Медленно уходит в никуда...

Что-то упущено, пропало безвозвратно, и «жизнь прошла, и жизнь прошла, и ничего нет впереди, лишь пустота, лишь пустота, не уходи, не уходи...», как пелось в популярной в те далёкие годы песенке.

И вот из этих-то невесёлых ощущений и рождаются строки, обращённые к любимой и навсегда потерянной...

Закончу словами Сергея, полными прощальных раздумий: «...вот и вся жизнь такая – слухи, сплетни, домыслы, мифы, догадки. Здесь дважды два никогда не сложится в четыре, а разве что в семь или восемь с половиной... Жизнь не алгебра, она скорее явление мистическое с привкусом красного перца или отзвуком крепкого словца. А грязь хлюпает под ногами...»

* * *

Проиграли Третью мировую –
мирную холодную войну...
Вечный бой, проигранный вчистую,
потянул Отечество ко дну.
Волею чиновника и вора
чаща скорби выпита до дна,
серым прахом русского позора
рухнула Берлинская стена.
Это освятить бы надо одой:
справедливость – нету ей цены!
Только как платить чужой свободой
за крушение собственной страны?
Всё тип-топ, тяп-ляп и шито-крыто,
челюсти хрустят на целый свет:
это наспех хаваает «элита»:
торопясь с фуршета на фуршет...

РОМАНС ЗИМОЙ

Вовек с тобой расстаться не смогу:
порою встрепенусь – дома в снегу,
подъезд, ступени, из-под двери свет –
из комнаты, тебя в которой нет.
Куда бы не метнулся, ангел мой,
мне чудится, что всюду ты со мной,
твоё дыханье, тихий голос твой,
твоё тепло, шаги по мостовой.
Тебя в толпе устал я узнавать.

* * *

Я просто жил, как все, в огромном мире,
с улыбкой на лице, в окраинной квартире.

На улицах хмелел от снега и бензина –
и временем ночным мне душу просквозило...

И выветрило всё, что, словно пылью к шёлку,
На душуросло, пристало втихомолку...

Остался лишь каркас, тугой костяк судьбины,
Исполненный как раз из обожжённой глины.

Душа обожжена, сомнением и болью,
душа обнажена, простреляна любовью...

Вот снова предо мною снегопад
стираем белоснежным рукавом
оттенки за автобусным стеклом.
И стоит позабыть тебя на миг,
чтоб тотчас облик твой вдали возник.
Зачем же он – почти не различим,
лицом обертывается чужим?
Не жалуясь, но всё-таки скорбя,
спохватываюсь я. что нет тебя
со мною по утрам и вечерам.
И это горче всех моих утрат...
Так и живу – чуть-чуть не в полусне.
Ты снова не даёшь покоя мне...
Не это ль с сотворения земли,
любовью звали и за нею шли?

НОСТАЛЬГИЯ

Гололёд – ну такой спотыкач,
что ломаются ребра и пальцы,
и скользят по руинам, хоть плачь,
погорельцы, лишенцы, страдальцы...

Ты подставь под оглоблю плечо,
и подумай при адовом юзе,
что не раз доведётся ещё
пожалеть о Советском Союзе...

А жизнь вокруг сквозит и, прорываясь в строфы,
щемяще вдруг пронзит предвестьем катастрофы.

И потому в душе ни горечи, ни страха,
что в будущем уже мне выстругана плаха.

ПОХМЕЛЬНОЕ

* * *

Так незаметно молодость прошла,
так незаметно старость подступила,
другая жизнь глядит из-за угла –
так пьяница взирает после пира,

на разорённый пиршественный стол,
разбросанные рюмки и объедки,
гранёных стаканов кривой позор,
и прочие вещдоки и заметки...

Пришла пора метаний и надежд,
всё изменилось – разве кроме неба! –
где, выскользнув из облачных одежд,
заря над этим миром кровенела.

Так и живу в кругу полночных сфер,
разбросанных по волчьему велению,
а за моей стеной эСэСэСэР
стоит бесплотной и трагичной тенью.

Той тенью я навеки защищён
и в той тени навеки уничтожен,
а я живу, собою не прощён,
и мой удел прекрасен и ничтожен...

Хорошо посидеть на дворовой скамейке,
просто так – никуда, незачем,
хорошо поседеть, не считая копейки,
как считает скупой казначей...

Хорошо, что душе до скончания века
незнакомы покой и тоска,
хорошо, что над брэнной судьбой человека
так бесцельно летят облака.

ЭПОХА

Ты зачем горячо трепетала
на суровом ветру мировом,
и рубаху рвала – и рыдала,
и стирала слезу рукавом...

Уверяла весь мир, что бессмертна,
не жалела сердец и рессор,
а меж тем возникал незаметно
между словом и жизнью зазор...

Получается горькая повесть,
но посмотрим на вещи, как есть:
пропит ум и потеряна совесть,
безнадёжно запятнана честь.